

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3 С. 267–272. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 267–272. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.3

EDN AZJDAO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-267-272>

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕНАВИСТЬ» В ЦИФРОВОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА И В СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ахунзянова Фарида Тагировна, кандидат культурологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Зайцев Александр Владимирович, доктор политических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Аннотация. Целью данной публикации является системный анализ политико-правовой категории «политическая ненависть» в сфере цифрового публичного пространства, а также в правоприменительной и судебно-следственной практике современной России. Основными общенаучными методами, используемыми для достижения поставленной цели, стал системный, нормативный и сравнительный методы исследования, элементы логического анализа, кроме того, такие частные эмпирические методы, как дискурсивный анализ, контент-анализ и мониторинг цифрового дискурса власти и общества. Актуальность рассматриваемой проблематики заключается в том, что в условиях проведения СВО на Украине в судебно-следственной практике резко возросло количество уголовных дел, квалифицируемых по мотивам «политической ненависти». В то же время в существующих правовых актах и в научной литературе по политико-юридической проблематике практически полностью отсутствует развернутый категориальный анализ концепта «политической ненависти», ее особенностей и содержания. Авторы данной статьи попытались ликвидировать эту объективно возникшую лауну, выработав на основе теоретического анализа и изучения правоприменительной практики свое собственное видение складывающейся ситуации и толкование политико-правовой категории «политической ненависти».

Ключевые слова: цифровой публичный дискурс, политическая ненависть, право, судебно-следственная практика, власть, общество.

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FZEW-2023-007).

Для цитирования: Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В. Политико-правовая категория «политическая ненависть» в цифровом публичном дискурсе власти и общества и в судебно-следственной практике современной России // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 267–272. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-267-272>

Research Article

POLITICAL AND LEGAL CATEGORY “POLITICAL HATRED” IN THE DIGITAL PUBLIC DISCOURSE OF GOVERNMENT AND SOCIETY AND IN THE JUDICIAL AND INVESTIGATIVE PRACTICE OF MODERN RUSSIA

Farida T. Akhunzyanova, Candidate of Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Alexander V. Zaytsev, Doctor of Political Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Abstract. The purpose of this publication is a systematic analysis of the political and legal category “political hatred” in the sphere of civil public space, as well as in the law enforcement and judicial investigative practice of modern Russia. The main general scientific methods that are used to achieve this goal are systemic, normative and comparative research methods, elements of logical analysis, as well as such private empirical methods as discourse analysis, content analysis and monitoring of digital discourse of government and society. Topicality of the issue under consideration lies in the fact that in the context of the conduct of the Ukraine conflict, the number of criminal cases classified on the grounds of “political hatred” has sharply increased in judicial investigative practice. At the same time, in existing legal acts and in the scientific literature on political and legal issues, a detailed categorical analysis of the concept of “political hatred”, its features and content is almost

completely absent. The authors of this article tried to eliminate this objectively arising gap by developing, on the basis of theoretical analysis and study of law enforcement practice, their own vision of the emerging situation and interpretation of the political and legal category of “political hatred”.

Keywords: digital public discourse, political hatred, law, judicial and investigative practice, power, society.

Acknowledgments. The publication was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project № FZEW-2023-007).

For citation: Akhunzyanova F.T., Zaitsev A.V. Political and legal category “political hatred” in the digital public discourse of government and society and in the judicial and investigative practice of modern Russia. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 267–272. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-267-272>

В условиях все большего и большего роста масштабов цифровых коммуникаций власти и общества возникает целый ряд правовых проблем, связанных со свободой информации и слова. С одной стороны, государство и гражданские институты имеют возможность реализовать полные права и свободы в информационной среде. Данное обстоятельство, как это акцентируется в докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека за 2022 год, должно находиться в центре внимания государства, которое обязано обеспечивать для всего общества в целом и отдельных граждан информационную безопасность в современной цифровой среде¹.

С другой стороны, все субъекты цифрового публичного дискурса обязаны соблюдать общепринятые принципы морали, регулирования и правопорядка. Сегодня население активно взаимодействует с властью через социальные сети, мессенджеры, форумы и видеохостинги. На этих платформах они высказывают свое мнение, задают вопросы, на которые должностные лица обязаны ответить соответствующим образом. Такая тенденция максимально приближает власть и общество к честному диалогу. Однако на практике под влиянием глобальных политических катаклизмов в интернет-пространстве разрастается такое явление, как негативная гражданская активность, наполненная конфликтно-протестным потенциалом, – так называемая политическая ненависть и вражда. Авторы считают, что причиной тому является погружение граждан в цифровую реальность, все более усиливающееся по мере развития интернет-пространства. При всех достоинствах виртуального мира интернет-пространство, тем не менее, способствует распространению политической ненависти и обостряет проблему с помощью новых инструментов и платформ, способных использовать язык ненависти для стратегической коммуникации и информационного воздействия. Эту мысль подтверждают отчеты МВД РФ.

Так, согласно отчету за 2022 г., среди зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, наблюдается устойчивый рост преступлений экстремистской направленности. Только по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществ-

лению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), было возбуждено 490 уголовных дел, по сравнению с 2021 г. их количество выросло на 55,6 %. 493 уголовных дела были возбуждены по ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), их количество по сравнению с 2021 г. увеличилось на 8,4 %².

Категория политической ненависти и вражды относительно давно находится в поле зрения исследователей. В отечественной юриспруденции, пожалуй, одним из первых к ней обратился П.А. Кабанов, известный ученый-правовед, глубоко погруженный в проблематику политической преступности во всем многообразии ее проявления. В своих многочисленных работах этот известный ученый отталкивается от понятия «мотив политической ненависти и вражды» и подробно анализирует его содержание, выделяя в нем такие структурные составляющие, как цели, потребности и интересы лица, совершающего экстремистское деяние. Актуальность своих разработок этот исследователь обосновывал тем, что «в действующем российском уголовном законодательстве не указано, что же следует понимать под политической ненавистью или враждой как мотивом совершения преступления» [Кабанов: 3].

К данной позиции присоединяется и другой правовед – М.П. Ситникова. Она констатирует, что «понятие “политической ненависти и (или) вражды” в юридической науке в достаточной степени также не разработано» [Ситникова: 138]. «Политическую ненависть» она рассматривает как мотивацию для совершения преступлений против лиц, которые исповедуют иные политические взгляды с целью борьбы за власть, а понятие «политическая вражда» трактуется ей как фактическое совершение таких преступлений.

Вслед за П.А. Кабановым и М.П. Ситниковой исследователь Е.А. Таюрская также делает неутешительный вывод о недостаточной разработанности рассматриваемой нами категории «политической ненависти». По ее словам, российские законодатели так и не определили то, что конкретно следует понимать под этим мотивом. Используя методы логического анализа и аналогий, Е.А. Таюрская рассматривает категории «политической ненависти» и «полити-

ческой вражды» как синонимы и интерпретирует их как «негативное отношение виновного к лицам, участвующим в процессе организации и осуществления власти в государстве, регионе или муниципальном образовании» [Таюрская: 23–24]. На взгляд авторов настоящей статьи, подобный подход неоправданно расширяет политико-правовой концепт «политической ненависти», под действие которого в таком случае формально можно подвести практически любого критика действующей власти.

Другой крайностью фокуса исследований представляются работы, в которых авторы утверждают избыточность и бессмысленность мотива политической ненависти. К примеру, исследователь С.В. Соловьева указывает, что наличие категории «политическая ненависть» пока что в правоприменительной практике «порождает больше вопросов от его толкования до применения, чем его практическую реализацию» [Соловьева: 3]. С ее точки зрения, признаки, определяющие этот мотив, лишены логического смысла, следовательно, он вообще должен быть исключен из правовой нормы.

Отметим, что на протяжении последнего десятилетия исследование категории «политическая ненависть» приобрело междисциплинарный характер, данным вопросом занимаются как правоведы (У.Н. Ахмедов, О.В. Ермакова, О.А. Семухин, В.И. Андреев, Е.В. Дятлова, О.А. Морозова, Д.Ю. Краев, Н.Э. Рустамов, Д.И. Володенков и др.); так и лингвисты (А.Б. Алексеев, Н.В. Жадунова, Е.А. Коваль, В.А. Пронькина и др.); политологи (А.Б. Алексеев, Ю.Ю. Колотаев). Ряд российских исследователей (Д. Баева, Я.Ю. Хлопотунов, Л.А. Семенова, Н.Ю. Шугаева, М.В. Радыгина, С.А. Погодаев и др.) сконцентрировали свое внимание на изучении политической ненависти в зарубежных странах. Однако общей тенденцией в трудах перечисленных исследователей является то, что мотив политической ненависти по-прежнему растворяется среди мотивов идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо сводится к толкованию экстремистского или идеологического свойства.

Несмотря на разночтения и отсутствие общего понимания в научном поле, категория «политическая ненависть» прочно закрепилась в современном российском правовом дискурсе. В большой степени тому способствовало принятие и введение в действие закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму». Мотивы политической ненависти или вражды считаются квалифицирующими признаками в одиннадцати составах преступлений, предусмотренных особенной частью УК РФ.

Однако в уголовной практике, как показал анализ судебных решений за последнее десятилетие, категория «политическая ненависть или вражда» как квалифицирующий признак встречается в ограниченном количестве преступлений.

Так, например, не удалось обнаружить данный мотив в приговорах, вынесенных по уголовным делам, предусмотренным п. «е» ч. 2, а также ч. 3–4 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»), ст. 116 УК РФ («Похищение»), п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ («Истязание»), ч. 2 ст. 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), ч. 4 ст. 150 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»).

В приговорах, вынесенных по уголовным делам, предусмотренным п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ («Убийство»), до 2022 года судебные прецеденты, связанные с мотивом политической ненависти и вражды, также не встречаются, в то время как примеров преступлений, связанных с идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью более чем достаточно.

Можно выделить немногочисленную группу судебных решений, вынесенных по делам, предусмотренным п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ («Хулиганство») и ч. 2 ст. 214 УК РФ («Вандализм»), где используется мотив политической ненависти и вражды.

Например, 2 декабря 2014 года приговором Судакского городского суда (Крым) был осужден <имя изъято> по ч. 2 ст. 116 и п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ при следующих обстоятельствах: «26.09.2014 г. <имя изъято>, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в общественном месте, в кафе, используя незначительный повод, из хулиганских побуждений, умышленно нарушая общепризнанные нормы и правила поведения <...> стал высказывать в адрес посетителя нецензурную брань по мотивам политической ненависти и угрозы причинения физических увечий. Данными хулиганскими действиями <имя изъято> грубо нарушил общественный порядок, выразившийся в нарушении покоя граждан и срыве работы кафе. Действия К. Д. Н. были квалифицированы по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ – как хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической вражды»³.

6 октября 2018 г. Дмитрий Цибуковский и Анастасия Сафонова, действуя совместно с иными лицами, с целью выражения протеста против проводимых в государстве реформ, в том числе пенсионной реформы, нанесли с помощью трафарета на шесть зданий рисунки и надпись: «Наша бедность – их при-

быль. Пенсионная реформа». Спустя пару лет супругам были предъявлены официальные обвинения, в том числе по ч. 2 ст. 214 УК РФ, т. е. в вандализме, совершенном группой лиц по мотивам политической ненависти и вражды.

В современной правовой практике, кроме перечисленных выше составов, начиная с 2003 года и согласно п. 2 примечания к ст. 282 УК РФ, мотив политической ненависти или вражды стал одним из основных признаков деяний экстремистской направленности, что прослеживается в первую очередь в применении статей 205, 207, 280, 282 УК РФ (публичные призывы, распространение недостоверных сведений о деятельности российских Вооруженных сил, дискредитация деятельности российской армии, создание экстремистских или террористических сообществ и продолжение деятельности организаций, которые были запрещены как экстремистские или террористические). Кроме того, в редакции от 2007 года в УК РФ мотивы политической ненависти или вражды были закреплены в п. «е» ч. 1 ст. 63 Общей части УК РФ как отягчающее наказание обстоятельство. По мнению законодателей, совершение преступления по названным мотивам предполагает стремление виновного путем преступного деяния показать свою ненависть, неприязнь к определенным политическим установкам, выразить негативное отношение к социальной группе людей, объединенных по признаку политических позиций и интересов, а также к их отдельным представителям.

Данные обстоятельства привели к тому, что количество экстремистских правонарушений, где квалифицирующим либо отягчающим признаком был бы мотив политической ненависти, стремительно возросло, что стало особенно заметным в период 2022–2023 гг. Обзоры отчетов МВД и судебных практик за это время показывают, что только в уголовной практике, по состоянию на декабрь 2022 г., правоохранительные органы Российской Федерации в целом по стране зарегистрировали 1 566 преступлений экстремистской направленности, что на 48,2 % больше по сравнению с 2021 г.⁴ Если остановиться на региональном аспекте, то количество зарегистрированных только в Костромской области правонарушений экстремистского характера увеличилось на 66,7 %, в общем рейтинге по данному показателю регион занял 69-е место, в то время как, например, в 2019 г. был на 53-м⁵.

По мнению авторов статьи, на активизацию мотива политической ненависти и вражды в публичном цифровом дискурсе прямое влияние оказало проведение Вооруженными силами РФ специальной военной операции на Украине.

Данное событие было весьма неоднозначно воспринято в российском обществе, большинство мнений

свелось к двум политически амбивалентным позициям: «за» и «против». Отрицательные реакции, репрезентируя единое представление об СВО как о преступлении, зле, неоправданной агрессии правительства РФ, а об Украине – как о ни в чем не повинной жертве этой агрессии, до сих пор представляют собой множество коммуникативных проявлений от вербализованных выплесков авторских эмоций до манипулятивных стратегий. Правовая квалификация подобных деяний, не просто идущих в разрез с пророссийской правительственной позицией по вопросу СВО, но остро конфликтующих с ней и активно влияющих на публичный дискурс власти и общества, общественные настроения, нуждалась в новых нормах.

Российское законодательство было вынуждено реагировать на поступивший вызов, в связи с чем 4 марта 2022 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», на основании которого устанавливалась административная и уголовная ответственность за публичные действия, целью которых является дискредитация Вооруженных сил РФ (ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 280.3 УК РФ). Другой новеллой стала ст. 207.3 УК РФ, которая установила ответственность за «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Принятые правовые новеллы расширили возможности правоохранителей по использованию мотива политической ненависти или вражды, что ярко прослеживается в судебной практике за последние два года.

Так, в апреле 2022 г. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 207.3 УК РФ в отношении московского депутата А. Горинова. Из судебного решения следовало, что обвиняемые, «...руководствуясь мотивом политической ненависти, имея пренебрежительное, недружелюбное, враждебно-агрессивное отношение к действующим органам исполнительной и законодательной власти Российской Федерации, достоверно зная, что совершение таких действий вызовет широкий общественный резонанс, приняли решение и вступили между собой в предварительный преступный сговор, направленный на публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, после чего распределили между собой преступные роли и разработали общий план совершения преступления».

В сентябре 2023 г. Верховный суд ДНР вынес приговор в виде 26 лет заключения в колонии строго режима А. Слободянюку, участнику запрещенного националистического полка «Азов», за убийство мирных жителей г. Мариуполя. Ему инкриминировались пункты «а», «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство двух лиц организованной группой по мотивам политической и идеологической ненависти. По мнению суда, действия Слободянюка были мотивированы тем, что мужчина и женщина занимали пророссийскую позицию.

В Костроме 22 июня 2023 г. Свердловский районный суд вынес заочное решение о пяти годах колонии общего режима для А. Зыкова, бывшего координатора местного штаба Навального. В его публикациях, размещенных в социальной сети «ВКонтакте», темой которых были вооруженные действия на Украине, в том числе события в Буче и Сумах, суд также усмотрел наличие мотива политической ненависти и квалифицировал действия Зыкова по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ.

7 августа 2023 г. Басманный районный суд Москвы вынес заочный приговор писателю Д. Глуховскому, проживающему за границей. Судебным решением ему вменялись действия, квалифицируемые по п. «в» и п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ. По версии следствия, с которой согласился суд, Глуховский размещал у себя в соцсетях видео и текст с информацией о том, что Вооруженные силы России совершают умышленные обстрелы и бомбардировки жилых домов, школ и больниц, массовые убийства мирных жителей и изнасилования несовершеннолетних украинских школьников, монтируя видеозаписи с искусственно созданными доказательствами обвинения.

В конце августа 2023 г. в крымском Бахчисарае был арестован Александр Тюренко, который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, помочился на монумент с символами Z и V, причем снял свои действия на камеру и разместил запись в интернете. Тюренко обвинили в вандализме по мотиву политической ненависти: следствие посчитало, что он совершил этот поступок на почве социальной вражды к военнослужащим, участвующим в проведении специальной военной операции на территории Украины.

Из приведенных примеров следует, что под мотивом политической ненависти и вражды правоохранителями, как правило, понимается враждебно-агрессивное отношение к действующим органам исполнительной и законодательной власти Российской Федерации и их отдельным представителям, а также проводимой ими внешней и внутренней политике. Представляется, что отягчающим обстоятельством такое отношение становится, когда приобретает широкий общественный резонанс, т. е. становится способным формировать общественные настроения.

Мотивация деяний, определенных данным мотивом, может быть выражена, например, в форме пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, национальной, религиозной или языковой принадлежности, показе ограниченности социальной группы либо конкретного человека и т. п.

Безусловно, складывающаяся на данный момент правовая ситуация с использованием мотива политической ненависти позволяет государственной власти ограждать российских военнослужащих от необоснованных обвинений в их адрес по поводу нарушения законов и правил ведения войны, недобросовестной информации, откровенной лжи и клеветы, поддерживать уверенность у подавляющей части российского общества в том, что российская армия, в отличие от противника, не совершает преступлений в отношении мирного гражданского населения. Это обстоятельство усиливает атмосферу согласия среди тех или иных слоев российского общества, помогая военнослужащим добросовестно и планомерно выполнять поставленные перед ними задачи.

Однако мониторинг исследовательского поля показал, что до сих пор категория «политическая ненависть» окончательно не выяснена как в юридическом, так и в научно-понятийном аспекте, а также в контексте специальной военной операции на Украине, несмотря на то, что, как полагают соавторы данной публикации, этот конфликт максимально активизировал политическую мотивацию значительной части криминальных действий в цифровой публичной сфере интернет-коммуникаций. Расплывчатость и нечеткость юридических формулировок, отсутствие четкого и ясного определения категории «политической ненависти», разъяснений и комментариев к ней со стороны Верховного суда РФ, известных юристов и ученых-правоведов создает правовой вакуум и порождает неразбериху в судебной-следственной и правоприменительной практике, что более чем убедительно свидетельствуют о необходимости продолжения начатых нами научных изысканий.

На взгляд авторов данной статьи, политическая ненависть в самом широком (а не только в политико-правовом) смысле представляет собой дискурсивный процесс целенаправленного формирования негативного отношения к той или иной социальной группе (к примеру, к военнослужащим российской армии) или к отдельному ее представителю. Достигается такой результат путем систематического распространения в публичной сфере недостоверной негативной информации, слухов, сплетен, односторонних и предвзятых оценочных суждений, не соответствующих фактическому положению дел, в результате чего происходит формирование стойких общественно-политических предубеждений, клише и штампов, отрица-

тельно влияющих на политический имидж и деловую репутацию объектов ненависти. Последствия такого возбуждения ненависти и вражды крайне серьезны и опасны: постепенно нагнетается и все более и более нарастает дискриминация жертв такого публичного дискурса. Унижение чувства их собственного достоинства становится нормой, в повседневный обиход входят систематическое суждение в общественном мнении, преследование, травля, неприкрытое психическое или даже, в ряде случаев, грубое физическое насилие. Все это ведет к нарушению фундаментальных конституционных и гражданских прав и личного достоинства этих граждан.

Авторы статьи считают, что политическая ненависть и вражда порождают враждебную психологическую атмосферу, способствующую экстремистской активности и другим социальным отклонениям. В связи с этим очевидно, что государство и общество нуждаются в новых подходах к противодействию политической ненависти и вражде. Крайне важно всемерно противодействовать возбуждению политической ненависти и вражды во всех ее проявлениях и, прежде всего, в сфере публичного цифрового дискурса в социальных сетях и на других виртуальных платформах инклюзивного онлайн-диалога, начиная с ужесточения ответственности модераторов (предупреждения об ответственности за нарушения в общении, ограничение возможности создавать или присоединяться к группам, исключение участников из групп, ограничение доступа к контенту, обнародование информации о таких пользователях и их публичное осуждение) и заканчивая принятием юридических мер ответственности.

При этом нормы права и санкции ответственности за их нарушение не должны использоваться для преследования политической оппозиции, борьбы с оппонентами и инакомыслящими, которые, хотя и критикуют те или иные общественно-политические реалии, высказывают свое несогласие с ними, но не являются носителями политической ненависти в ее прямом, а не каком-то ином проявлении в публичном массмедийном цифровом дискурсе власти и общества.

Примечания

¹ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiiehjai/index.html> (дата обращения: 10.09.2023)

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года // Отчет МВД России от 20.01.2023. URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiiehjai/index.html> (дата обращения: 10.09.2023)

³ Здесь и далее материалы из открытых интернет-источников.

⁴ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года // Отчет МВД России от 20.01.2023. URL: <chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoefgiiehjai/index.html> (дата обращения: 10.09.2023)

⁵ Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 10.09.2023)

Список литературы

Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как мотив преступления // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 43–44.

Ситникова М.П. Экстремистские мотивы: проблемные аспекты содержания понятия // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 137–140.

Соловьева С.В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 28 с.

Тайурская Е.А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 3 (50). С. 21–25.

References

Kabanov P.A. *Politicheskaja nenavist' ili vrazhda kak motiv prestuplenija* [Political hatred or enmity as a motive for a crime]. *Rossijskaja justicija* [Russian justice], 2008, No. 3, pp. 43–44. (In Russ.)

Sitnikova M.P. *Jekstremistskie motivy: problemnye aspekty sodержaniya ponjatija* [Extremist motives: problematic aspects of the content of the concept]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and state: theory and practice], 2019, No. 10 (178), pp. 137–140. (In Russ.)

Solovyova S.V. *Prestuplenija, sovershaemye po motivam nenavisti ili vrazhdy: voprosy kvalifikacii, penalizacii i naznachenija nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Crimes committed based on hatred or enmity: issues of qualification, penalization and sentencing: PhD thesis]. Krasnodar, 2014, 28 p. (In Russ.)

Tayurskaya E.A. *Politicheskaja, ideologicheskaja, nacional'naja, rasovaja, religioznaja nenavist' ili vrazhda kak motivy sovershenija prestuplenija* [Political, ideological, national, racial, religious hatred or enmity as motives for committing a crime]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, vol. 3 (50), pp. 21–25. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 19.09.2023.

The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 19.09.2023.